

НА НЕБЕСАХ ОБЕТОВАННЫХ

В уютном московском особняке на Большой Ордынке, где находится «Союзинформкино», состоялся один из первых показов нового фильма Эльдара Рязанова «Небеса обетованные». Это — обычная для Рязанова трагикомедия с необычным кругом действующих лиц — обитателей большой городской свалки под названием «Закат коммунизма». Сценарий картины режиссер написал в соавторстве с начинающим литератором, фотографом из Петрозаводска Галиной Альтман. В фильме снимались Олег Басилашвили, Ольга Волкова, Лия Ахеджакова, Светлана Немоляева, Роман Карцев, Леонид Броневой, Вячеслав Невинный, Станислав Садацкий, Нина Русланова, Валентин Гафт, Федор Дуняевский и другие актеры. После просмотра картины, за бокалом шампанского приглашенные Рязановым журналисты, критики, актеры обменялись первыми впечатлениями об увиденном.

Виктор МАТИЗЕН, критик:

— С Эльдаром Рязановым отношения у советских людей совершенно особые. Они им воспитаны. И поэтому мы его любим. И что бы он ни снимал, как бы ни снимал, мы все равно будем его любить. За его телевизионные выступления, за его бесконечное остроумие, за милую, очаровательную доброту. За то, что он толстый и красивый парнишка. Что касается этой картины, то кому другому мы простили бы такое обилие неправдоподобия, ряженства, сюжетных несообразностей. Его бы просто стерли с лица земли. Но Рязанову прощается все. Потому что он добрый человек. Потому что он любит своих героев. Потому что он ненавидит то же самое, что ненавидим мы.

«Небеса обетованные» — очень смешной и трогательный фильм. А то, что я не испытывал глубоких эстетических переживаний, — ну Бог с ними! Если я — Я! — плачу на фильме, то это хороший фильм. Как я могу отказаться от собственных эмоций? И это надо сказать в первую очередь.

Михаил МИШИН, писатель-сатирик:

— Это человеческое кино, которое сделано на радость людям, а не «в ущерб», «за счет» или «вопреки». И не «во имя». Я рад за Рязанова, за актеров, которые не просто существуют в фильме, а существуют с наслаждением. Я просто рад, и слава Богу. Может быть, потом высокопоставленные критики наговорят много кой-чего — ну и пусть! Они делают огромное, никому не нужное дело. А я поздравляю Рязанова с большой удачей!..

Вера ШИТОВА, критик:

— «Небеса обетованные» — это абсолютно авторская картина. У нас в понятие авторского фильма очень часто вкладываются понятия сложности, метафоричности — и только. Но быть автором — это очень и очень непросто. На это надо иметь право. А Эльдар Александрович это право, безусловно, имеет. Я страшно не люблю понятие «добрый фильм». Это какое-то ложное, фальшивое понятие. «Небеса» — совсем не добрый фильм. Это абсолютно сердечное высказывание человека о том, что он

любит. И такое же сердечное высказывание о том, что он ненавидит. Рязанов теперь стал человеком очень суровым. Он резок и недвусмыслен в своих симпатиях и антипатиях. Он прост и открыт. Это абсолютный Рязанов, которого мы знаем и любим, но это тот Рязанов, какой он сегодня.

«Небеса» — фильм очень цельный и очень беззащит-

ный. Потому что критиковать его просто. Но и в этом — какая-то невероятная открытость, человеческое доверие. Какая-то вера в то, что он будет понят.

Армен МЕДВЕДЕВ, заведующий отделом культуры Кабинета Министров СССР:

— От имени Рязанова я сам себе приготовил каверзный вопрос: а вот, Армен Нико-

лаевич, если бы я пришел к вам в годы застоя, когда вы работали в Госкино, и принесли бы вам сценарий этой картины, что бы вы сказали?

Я сам от этого собственного вопроса завертелся, как уж на сковородке, и попытался найти ответ. Вот он: а в те годы, Эльдар Александрович, когда мы встречались на территории Госкино, вы сами еще не созрели до такой картины.

Эльдар РЯЗАНОВ:

— Мне никогда в жизни не приходила мысль оставить страну. Никогда. В любые годы — и раньше, и сейчас. Потому что это моя страна, и я буду делить вместе с ней ее несчастья. Но сейчас у меня такая ситуация: вышла книжка, другая книжка, фильм. Я себя хорошо чувствую, у меня есть замыслы, идеи. Но вот я смотрю телевизор, читаю газеты, и меня охватывает беспредельное, беспросветное отчаяние. Я думаю: Боже мой, если бы мне было 30 лет, я бы уехал. Я бы уехал, потому что я не могу это больше видеть.

Это фильм не о нищих. Я понимал, что мы вторгаемся в использованную область. Ни-

кита Михалков меня очень отговаривал. Действительно, чтобы рассказать о советских нищих, надо снимать документальный фильм. И его снимут. А я решил сделать контрчернуху. Я не хотел показывать жестокость, трагедию, голых и т. п. Мы убрали целую сцену, где герои мстили подонкам, которые убили персонажа Басилашвили, потому что я не хотел насилия, не хотел, чтобы мои герои превращались в зверей. А за то время, пока снимался фильм, правительство вообще сделало так, что фильм про очень бедных людей стал просто фильмом «про народ». Для меня постепенно свалка стала играть роль Родины. Все мы тут живем. Это то, что я чувствую, как я ощущаю жизнь.

У нас в фильме действуют настоящие омововцы. Там есть эпизод, когда они для устрашения стучат дубинками по щитам. Мы не знали, а они нам сами рассказали: прежде чем действовать, мы вот так устрашаем. Ладно, говорю, устрашайте. Все-таки они понимали, что перед ними актеры, поэтому они аккуратно производили операцию. Хотя Карцеву нанесли какие-то синяки, но не специально, не нарочно, не по злобе, в суматохе. Они все были вполне каскадированы, и когда нам нужно было, мы иногда омововца переодевали в нашего помощника. Ничего, соглашались. А потом один из омововцев сказал: «После вашей картины нас будут ненавидеть». Но он ошибся. Их начали ненавидеть задолго до выхода картины.

Мне было важно показать, что армия не едина. К микрофону имеют доступ только генералы-абалдуи и суки. А армия не такая. Для меня был важен образ полковника в отставке (его создал Л. Броневой) — человека, забытого государством, за мундиром которого бьется живое человеческое сердце.

Большевики потерпели поражение, как Саддам Хусейн. Отступая, они подожгли все нефтяные скважины. И мы горим, мы живем в этом горящем мире сейчас. Понимаете, что произошло? И поэтому надежды, что лучше будет при моей жизни, у меня нет никакой. Я думаю, что, может быть, внуку моему, которому сейчас три с половиной года, доведется жить в более или менее приличном обществе. Но что ждет страну, страшно подумать. До тех пор, пока Президент будет придерживаться социалистического выбора, до тех пор, пока он будет класть цветы к памятнику Ленину, поддерживая идею, которая себя полностью скомпрометировала, до тех пор мы будем харкать кровью.

Если эта картина разделит участь большинства современных советских фильмов (кто видел «Мать» Панфилова, «Карьер» Скуйбина?), то я не буду больше снимать кино, зачем мне это делать? Это ведь жизнь кладешь. Это невероятная отдача энергии, труда, ума... Я не кокетничаю, это на самом деле так.

ИА «Премьера плюс».